

СЕРГЕЙ КАРАУЛОВ

**эстетика
ПЕТЕРБУРГА**

**ДВОРЫ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ,
В КОТОРЫХ ОЖИВАЕТ ИСТОРИЯ**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Содержание

Самый странный дом	9
Кооператив инженеров.....	15
Витрина модерна подрядчика Екимова	21
Исторический синтез Александра Лишневого.....	29
Личный «уют» архитектора Кащенко	33
Мозаичный дворик. Подлинник.....	39
«Бастион» доктора Фукса	47
Доходный ампир	53
Чудеса египетские.....	61
Модерн спрятанный.....	67
Квинтэссенция стиля	75
О маках и подсолнухах.....	81
Доходное палаццо Васильевского острова	87
«Корабль» инженера Эрлиха	93
Петербургская открытка	99
Дядюшкин дом	105
Последняя покупка	113

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, в самом начале задумывалась как продолжение рассказа о доходных домах Петербурга — с интересными фасадами, парадными и историями об архитекторах и владельцах. Все шло своим чередом, но вот в процессе общения с читателями задали мне интересный вопрос: «А почему вы обходите вниманием знаменитые питерские дворы-колодцы? Ведь эти дворы давно стали очень известной достопримечательностью и даже своеобразной визитной карточкой города на Неве». Честно говоря, быстрого ответа на этот вопрос у меня не нашлось, а особой причины обходить вниманием именно дворы действительно не было. Была проблема. Как совместить одно и другое под одной обложкой, не превращая доступную книгу в увесистый том? В результате нашлось вот такое соломоново решение, и истории о домах были дополнены авторскими портретами дворов с короткими комментариями о том, почему они выглядят именно так, а не иначе. Насколько я знаю, раньше таких экспериментов никто не делал, но попробовать, безусловно, стоило. Стала ли книга от этого интереснее — судить вам, но оригинальнее она стала совершенно точно.

В любом случае, полагаю, будет весьма полезным в самом начале сказать несколько слов и о том, как и почему в Петербурге появились эти самые дворы-колодцы.

Историю эту, как, впрочем, и многие другие истории Петербурга, принято начинать с Петра Великого. Считается, что именно его желание построить город по образцу любезной его сердцу Голландии и видом своим «против строений других Европейских государств» принципиально определило облик новой российской столицы. Решительно ломая отечественные традиции городского строительства, Петр требовал возведения жилых домов «сплошную фасадою» с внутренними дворами: «А конюшен и сараев на улицу не строить, но внутрь двора. А с улиц и переулков чтоб все занято было жильем по указу...». Были в те времена и суровые предписания относительно каменного строения, и типовые (по сути, обязательные к использованию) проекты жилых домов, и масштабные градостроительные планы. Были огромные затраты. Но на самом деле задуманный по европейским образцам «парадиз» Петр так и не увидел.

Позднее, практически в каждое последующее царствование, предприни-

мались многочисленные попытки привести Петербург хотя бы в относительное соответствие с замыслами его основателя и превратить город в европейскую столицу. Подписывались указы, создавались комиссии, разрабатывались очередные планы, приглашались именитые архитекторы и создавались замечательные архитектурные ансамбли. Впрочем, несмотря на все это, по прошествии первых ста лет существования большая часть города так и осталась деревянной, с внушительными свободными пространствами, неплотной застройкой и населением около 200 тысяч человек. Конечно, старались действительно строить «сплошную фасадою» и с дворами, расположенными в глубине участков, но ни о каких «каменных громадах» и «колодцах» еще не было и помину. Владельцы столичных домов в те времена вполне могли позволить себе просторные дворы, окруженные постройками различного хозяйственного назначения. В этих дворах были и дровяники, и ледники, и конюшни, и курятники, и коровники... Активно меняться ситуация с городской застройкой стала только в следующем, XIX столетии.

В царствование императора Александра Павловича, собственно, и на-

чал постепенно обретать свои яркие черты город, который позднее назовут классическим Петербургом. В центральных районах столицы деревянное строительство было запрещено. Был создан знаменитый Комитет строений и гидравлических работ во главе с Августином Бетанкуром, где Антуан Модюи начал разработку градостроительных планов, призванных изменить все еще довольно хаотичную городскую застройку, а Карл Иванович Росси приступил к созданию своих масштабных проектов, радикально менявших облик старого Петербурга. Значительно быстрее стала расти численность населения, что привело к заметной активизации строительства доходных домов, которые ранее были явлением достаточно редким, а уже в следующее царствование вышли на первый план.

Император Николай Павлович, для которого инженерное дело и архитектура всегда оставались предметами пристального интереса, за созданием «регулярного города» следил очень внимательно и не жалел времени на личное согласование проектов строительства в центре Петербурга. Именно в его царствование возродилась уже изрядно подзабытая практика использования типовых проектов и по-

явился единый нормативный документ, регулировавший вопросы градостроительства, — Строительный устав Российской империи.

По большому счету, именно Строительный устав (несмотря на последующие редакции и изменения) установил правовые условия для возникновения в Петербурге дворов-колодцев. Во-первых, участки под застройку не могли быть менее 20 сажен (42,7 метра) в глубину, что условно определяло минимальный размер потенциальной дворовой территории. Во-вторых, статья 353 устава гласила: «Постройка каменных, близких одно к другому зданий внутри двора дозволяется, но с тем, чтобы такие строения располагались одно от другого не ближе двух сажен», то есть 4,3 метра...

Конечно, только наличия правовых условий для принятия конкретных планировочных решений было мало. Нужен был спрос, подкрепленный финансовыми возможностями. И он не заставил себя долго ждать. Примерно к 1851 году число жителей столицы превысило полмиллиона, а после отмены крепостного права процесс приобрел практически лавинообразный характер, и к концу столетия это число достигло миллионной отметки. В таких условиях строитель-

ство доходного жилья в Петербурге стало делом не просто выгодным, а очень выгодным. Поначалу, конечно, продолжали следовать старым строительным традициям — низкая этажность, большая площадь, просторный двор, но подобное предложение явно отставало от спроса. К тому же стоимость самих участков под застройку вполне естественно стала стремительно расти. И вот тогда «хозяйственную инфраструктуру» из дворов стали убирать в подвалы и на первые этажи, а сами дворы перегораживать флигелями с дополнительными жилыми квадратными метрами. Но и это было решением, по сути, промежуточным. К 90-м годам позапрошлого века инвестиции в недвижимость Петербурга стали окупаться очень быстро, а владение доходными домами превратилось в самостоятельный и весьма привлекательный бизнес. Активный приток капитала позволил создать своеобразный новый тип жилых построек в Петербурге — высокий по тем временам пятиэтажный каменный дом с очень плотной компоновкой, жилыми флигелями, закрывающими периметр участка, а также делящими дворовое пространство на две или три части. В таких домах дворы, суженные до допустимых нормативов (а иногда и более), действи-

тельно стали напоминать своеобразные колодцы. Появились и специальные световые дворики — замкнутое пространство для освещения черных лестниц и хозяйственных помещений, ширина которых порою едва достигала трех метров.

В XX веке подобный подход к проектированию и строительству уже доминировал в столице, ведь всего за 17 лет число петербуржцев увеличилось почти до 2,5 миллиона.

Самым простым и довольно распространенным вариантом стал прямоугольный в профиле дом, застроенный в глубину участка, с двором, разделенным на две неравные части (в более просторном дворе жилье стоило дороже). Но вариантов на самом деле было великое множество в зависимости от реальной конфигурации участка (часто довольно сложной), возможностей и пожеланий владельца, талантов конкретного архитектора и многого, много-

го другого. В зависимости от масштаба в одном проекте могло оказаться два, три, четыре двора. И даже больше. А самыми распространенными формами стали квадрат, прямоугольник и треугольник в угловых зданиях. Хотя были и авторские архитектурные фантазии, благодаря которым дворы могли приобретать необычную форму буквы Т, октагона или даже овала.

Первая мировая война сильно затормозила строительный бум в Петербурге, а революция и вовсе изменила подходы к строительной практике, но наполнившие город буквально в течение двух десятилетий дворы-колодцы так и остались с нами своеобразным напоминанием о коротком, но очень динамичном периоде нашей большой истории, которая на самом деле состояла из множества историй частных — возможно, малозначимых *sub specie aeternitatis*, но от этого не менее любопытных...

Сергей Караулов

Самый странный дом

Наверное, самый старый в Петербурге двор, который с полным основанием можно назвать «двор-колодец», расположился буквально в двух шагах от набережной Фонтанки. Впрочем, само здание от красной линии пересекающихся улиц вы не увидите, поскольку это всего лишь дворовый флигель, спрятанный за стенами внушительного «главного дома». Тем не менее именно этот флигель — единственный в Петербурге идеально круглый жилой дом с идеально круглым двором. И построен он был на 100 лет раньше самых смелых экспериментов архитектурного авангарда...

«Дом-кольцо» начали строить аж в 1822-м, и сегодня это, наверное, уже один из самых старых жилых домов в городе. Заказчиком такой необычной постройки был Михаил Андрианович Устинов — личность во всех отношениях примечательная. Неимоверно разбогатевший на питейных откупах саратовский купец, владелец нескольких винокуренных заводов и массы земельных имений, умудрившийся пристроиться на государственную службу и ведать доходами соляных месторождений, стать «орденоносным» статским советником и выслужить потомственное дворянство... О таких исторических персонажах в пору писать детективные романы.

Михаил Андрианович мог себе позволить многое, в том числе и приобретение серьезной недвижимости в Петербурге. В 1817-м он построил большой четырехэтажный доходный дом на углу Гороховой улицы и набережной Фонтанки, а еще через несколько лет решил в своем столичном владении построить дворовый флигель. В принципе дело обычное. Тогда дворы были еще весьма просторными и предполагали наличие различных хозяйственных построек. Хотя в данном случае владелец не ограничился чисто хозяйственными требованиями. Новое здание внутри двора предназначалось под каретные сараи, но с жилыми квартирами. И ездить должно быть удобно, и свет в доходных квартирах не должно застывать. Задача для архитектора на самом деле нетривиальная ...

Для реализации этого проекта Устинов пригласил Иосифа Ивановича Шарлеманя. Имя в истории архитектуры Петербурга очень известное. Правда, заслуженная слава придворного архитектора придет к Иосифу Ивановичу позднее. В ту пору он еще служил в строительном комитете Департамента государственного хозяйства и публичных зданий при

Министерстве внутренних дел и реальной строительной практики почти не имел. Тем интереснее на самом деле выглядит этот неординарный дебют знаменитого зодчего на ниве частного строительства.

Учитывая все пожелания заказчика, Иосиф Иванович вполне логично рассудил, что соответствовать поставленным задачам может только круг, а точнее кольцо с собственным внутренним двором. Круг идеально вписывался в просторный треугольный двор с изогнутым по дуге лицевым корпусом. Он позволял сохранить свободные проходы и проезды к любой части главного здания как за счет самой формы, так и благодаря симметричным сквозным воротам. Ну и конечно, его центральное расположение обеспечивало практически идеальное естественное освещение. Выглядело все это очень рационально, но слишком уж необычно. Впрочем, довольно сумасбродный заказчик с оригинальными идеями Шарлеманя согласился. Так, собственно, и появился этот дом во дворе основного владения Устинова. Безо всяких декоративных выкрутасов, с каретными сараями и круглой анфиладой не слишком удобных и не слишком больших, но приносивших стабильный доход квартир, коих было восемь на две парадные.

Самое интересное, что по совершенно непонятым сегодня причинам именно этот архитектурный казус устоял до наших дней практически без изменений, постепенно обрастая своими «анекдотами» и откровенными легендами — вероятно, именно в силу своего необычного вида.

И конечно, тут просто нельзя обойти вниманием то, о чем обязательно рассказывают все, кто хотя бы просто упоминает этот дом. Дело в том, что семь лет тут жили родители и родная сестра «нашего всего» — Александра Сергеевича Пушкина.

